

ЕЩЕ РАЗ ОБ АБЕЛЕ

Борис Иванович МУХАЧЕВ,
доктор исторических наук, профессор

История легендарного советского разведчика Рудольфа Ивановича Абеля, связанная с его работой и арестом в США и обменом в 1962 г. на американского летчика-разведчика Ф.Г. Пауэрса, уже обросла большой литературой и хорошо известна. Но долгое время общественность не знала, что настоящая фамилия этого разведчика не Абель, а Фишер. В 1971 г. разведчика и похоронили под фамилией Абель. Правда, в 1973 г. на памятнике было отмечено, что имеется в виду Фишер, но официально об этом сообщено лишь в 80-х годах. 48-й номер «Недели».

Однако в Петропавловске-Камчатском, где есть улица имени Абеля (без инициалов), не каждый знает, чье имя здесь увековечено — Вильяма Генриховича Фишера, который использовал имя Абеля в качестве псевдонима, или имя чекиста Рудольфа Ивановича Абеля, который одно время работал на Камчатке, но здесь особенно ничем не прославился.

Так кто же такой настоящий Абель?

Впервые я заинтересовался «камчатским» Абелем еще в 60-х годах, когда изучал историю становления советской власти на северо-востоке страны. В документах центральных государственных архивов — в военном (РГВА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Дальнего Востока (РГИАДВ) в камчатских материалах за 1923 г. фигурировал чекист Абель и естественно, вставал вопрос: не тот ли это легендарный Абель, который работал советским разведчиком в США?

Р.И. Абель прибыл в Петропавловск из Владивостока на крейсере «Главком Уборевич» в составе красноармейской экспедиции М.П. Вольского. Перед экспедицией была поставлена задача ликвидировать отряды белых, еще действовавшие на севере Камчатской губернии. Рудольфа Ивановича назначили военным контролером Петропавловской радиотелеграфной станции.

Ознакомившись с обстановкой, Абель обратил внимание Штаба войск Охотско-Камчатского края на трудности в работе радиостанции. Не хватало многих запасных частей. Белые, уходя из Петропавловска, забрали с собой ряд важных механизмов радиостанции, но служащие многое сохранили, удалось «сделать новый станок и установить его; через три дня после ухода белых радиостанция [была] восстановлена»¹. Постепенно она стала работать на полную мощность.

В отношении с сотрудниками военный контролер проявлял большую требовательность к четкому выполнению его заданий. Так, когда один из телеграфистов допустил вольность в передаче текста важной депеши и в ответ на замечание стал оправдываться, Абель категорически потребовал впредь не допускать оплошностей и, сообщив об этом Штабу войск, заявил, что если не будут приняты строгие меры, он не находит возможным оставаться в должности военного контролера².

Проводя радиоразведку, 9 января 1923 г. Рудольф Иванович обратил внимание губревкома на то, что по разрешению отдела управления в город Хако-

дате была передана шифрованная радиограмма от японского подданного. «Считая передачу шифрованной радиограммы совершенно недопустимой, — писал Абель, — прошу на этот счет надлежащих распоряжений»³.

Перед военным контролем стояла задача уточнить сеть всех действующих радиотелеграфных станций на Севере Дальнего Востока как российских, так и иностранных, определить связь и между ними, и с «материком» и через радиоразведку уточнить места дислокации белых отрядов. 10 января Р.И. Абель уже смог представить Штабу войск уточненный им список местных радиостанций, в том числе и японских, действующих на Камчатке (в Усть-Камчатске и в Усть-Большерецке), на Курильских островах и на острове Хоккайдо (в Очиши)⁴. Отмечалась мощность радиостанций (системы «Телефункен»): в Петропавловске — около 8 квт, в Анадыре и Наяхане — 12 квт, в Среднеколымске — 5 квт. В Охотске в 1920 г. радиостанция была разрушена, а после восстановления в основном осуществляла только прием. Абель сообщал, что на Камчатке вновь возникших белогвардейских радиостанций не обнаружено, но продолжает работу японская радиостанция в Усть-Камчатске⁵. По его представлению Усть-Камчатская радиостанция была «национализирована», и 25 марта Абель мог сообщить Штабу войск, что через эту станцию, «изъятую у японцев, был произведен первый обмен радиограммами»⁶.

Через Усть-Камчатскую радиостанцию вдруг стало известно еще об одной радиостанции — на острове Беринга. В рапорте Штабу войск от 28 марта Абель сообщал, что «при производстве радиоразведки 27.03. в 14 ч.28 мин. Московского времени была обнаружена работа острова Беринга... Но из-за сильных атмосферных разрядов в непосредственную связь не удалось войти. 28 с [его] [месяца] получил подтверждение из Усть-Камчатска о появлении Беринга (радиостанции). Мною принимаются меры по восстановлению связи с Берингом...»⁷.

Сначала было неясно, откуда взялась радиостанция на этом острове. Губревкому было неизвестно, что на нем находятся чиновники бывшего белогвардейского Приамурского правительства Дитерихса, но о радиостанции никто ничего не знал. Островитяне обычно о всех, даже самых важных событиях в стране (Февральской и Октябрьской революциях, свержении власти Колчака и др.) узнавали самыми последними, с открытием навигации, когда приходили первые пароходы. Но теперь, когда на острове Беринга появилась радиостанция, о восстановлении советской власти на Дальнем Востоке можно было узнать и до открытия навигации. Но откуда взялась эта радиостанция?

Оказывается, Управление по делам рыбных и морских звериных промыслов во Владивостоке в сентябре 1922 г., принимая меры по упорядочению пушного хозяйства Командорских островов, командировало на остров Беринга специалиста-пушника Колтановского со штатом промысловых надсмотрщиков. Колтановскому, кроме того, было поручено организовать строительство небольшой радиотелеграфной станции мощностью около 1 квт, чтобы обеспечить радиосвязь с областным центром, а через него и с Владивостоком.

Но главное строительство радиостанции было связано с намерением руководства белогвардейского «Земского Приамурского края» (Дитерихса) при подготовке к эвакуации армии использовать в качестве альтернативного варианта переброску войск не за границу, а на Камчатку для создания здесь временного плацдарма продолжения борьбы с советской властью. Командорская пушнина (котики, каланы, песцы) могли бы хоть в какой-то мере обеспечить содержание армии и беженцев. Потом от эвакуации на Камчатку отказались, но дело было сделано. На остров Беринга были доставлены строительные материалы, и под руководством радиотелеграфиста И.З. Учватова к строительству станции приступили. Но камчатское советское и военное руководство, в том числе и Абель, о подоплеке этого дела, видимо, не знали. Что же касается Учватова, то эта фамилия должна была насторожить: камчатцам он был известен как участник расстрела членов первого ревкома Чукотки, и по отношению к нему должны были быть приняты особые меры.

Вполне возможно, что на японской Усть-Камчатской радиостанции позывные с острова Беринга были получены раньше ее передачи губревкому. Во

Рудольф Иванович Абель.
Снимок начала 30-х годов.

время моего пребывания на острове Беринга в 1965 г. в с. Никольском алеуты вспоминали, что еще за месяц до официального открытия работы радиостанции Учватов смог узнать, что на Дальнем Востоке советская власть уже установлена, это шокировало его, но, надеясь, очевидно, на снисхождение власти, он тайно от Колтановского сообщил о новости алеутам-коммунистам. По их призыву из района бухты Бобровой в Никольское прибыли промысловики, и 18 марта в поселке был образован ревком, взявший власть в свои руки⁸.

Радиовязь с островом Беринга в Петропавловске была установлена 28 марта. В телеграмме за подписью Колтановского сообщалось, что он послан на острова Управлением по делам рыбных и морских звериных промыслов. 29 марта в час ночи Колтановский получил от губревкома телеграмму: «Существующая власть утвердила вас в должности начальника островов. Утверждены все ваши сотрудники. Продолжайте работу по упорядочению промыслового хозяйства, охране зверей»⁹. Рудольфу Ивановичу Абелью много усилий пришлось затратить, чтобы на Петропавловской радиостанции были нормаль-

ные условия для работы в эфире. Очень мешала этому работа судовых японских радиостанций. 22 мая 1923 г. Абель сообщал Штабу войск, что «японские суда, стоящие на рейде, все время мешали приемке депеш со Свободненской раст». На его предложение японцам от имени командующего войсками Охотско-Камчатского края прекратить радиопередачи они временно замолчали, но потом снова стали глушить работу Петропавловской радиостанции¹⁰. 26 мая Абель сообщал Штабу, что и «по сие время японские суда, стоящие на рейде, работают без перерыва, чем мешают нам производить правильный обмен с рациями...»¹¹. В июне японские радиостанции несколько уменьшили свою работу, но продолжали ее¹².

Но вскоре Абелью работу военного контролера на Петропавловской радиотелеграфной станции пришлось оставить. Его ожидало новое назначение.

11 июня 1923 г. в Петропавловск из Владивостока прибыл сторожевой корабль «Красный вымпел». Рудольфу Ивановичу Абелью губревкомом и штабом войск Охотско-Камчатского края было предложено выйти на этом корабле на остров Беринга, принять радиостанцию от Учватова и остаться там работать. 19 июня вахтенный «Красного вымпела» записал в судовом журнале: «На корабль для перехода прибыли заведующий радиостанцией острова Беринга Рудольф Иванович Абель, уполномоченный губвоенкомата Выломов...»¹³ На остров отправился также уполномоченный ОГПУ Лозгачев, который должен был арестовать Учватова и доставить его в Петропавловск.

К сожалению, мы не располагаем материалами о пребывании Р.И. Абели в должности заведующего радиостанцией. Интересно, что в это время на островах побывал известный исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев, ко-

Слева направо: Александра Антоновна Абель, прислонился к перилам — Р.И. Абель ее муж, на перилах — В.Г. Фишер. Среди них — Наум Эйтинген — на территории советского посольства в Пекине (приблизительно — 1928—1929 гг.).

торый после этого в Географическом очерке «Командорские острова в 1923 году»⁹ подробно охарактеризовал условия жизни островитян. В разделе «Радиостанция» он отмечает, что «вблизи селения не оказалось подходящей площадки, и потому мачты были поставлены на возвышенностях к востоку от селения Никольского, в непосредственной с ним близости... С отъездом всех промышленников на промысел песцов работы прекратились. Наступившие затем страшной силы штормы мешали продолжать работу. Таковые возобновились в феврале, а в первых числах марта постройка мачт подошла к концу...» О встречах с Абелем не говорится¹⁴.

На острове Беринга Абель проработал до декабря 1924 г. От суровых условий жизни он заболел туберкулезом легких и был отозван на материк.

* * *

Во второй половине 60-х годов, не зная еще, что «камчатский» и «американский» Абели не одно и то же лицо, я попытался встретиться с ним, чтобы подробнее узнать о его жизни и деятельности из первых уст. В журнале «Новый мир» тогда опубликовали воспоминания известного радиста Кренкеля, в которых он упоминал о недавней встрече с Абелем в Москве и сообщал, что получил от него книгу с дарственной надписью. Помню, по междугородному телефону из Магадана мне удалось созвониться с Кренкелем, и он на мой вопрос об Абеле, по-видимому, считая, что это не телефонный разговор (по крайней мере, я так подумал), пообещал написать письмо. Это письмо вскоре пришло. Текст его был очень лаконичным. Кренкель писал, что Абель из США и Абель с Камчатки — разные лица, ничего не объясняя. Большого он сказать, по-видимому, не мог. А вскоре и личная встреча с Кренкелем, к сожалению, была исключена, стало известно, что он скончался.

Но мысль раскрыть эту тайну меня не оставляла. Думалось: ведь есть же в семье Кренкеля книга с дарственной надписью Абеля, а в архивах сохранились документы, написанные рукой «камчатского» Абеля.захотелось провести почерковедческую экспертизу.

Во время очередной командировки в Москву (уже из Владивостока) я побывал в квартире семьи Кренкеля и побеседовал с его сыном, высоким симпатичным молодым человеком (к сожалению, не запомнил его имя), рассказал

о своем поиске. Взглянув на дарственную надпись в книге Абеля, я сразу же понял, что два Абеля — разные люди. Почерки их совершенно не были похожи. Сын Кренкеля согласился со мной, но тем не менее посоветовал продолжать поиск: за этой загадкой может оказаться очень интересная история.

На некоторое время другие заботы вытеснили эту тему из головы.

Но однажды вдруг возникли новые обстоятельства. Получилось как бы по поговорке «На ловца и зверь бежит». 17 лет назад (это было в 1983 г.) получаю из Камчатского областного краеведческого музея письмо от научного сотрудника Ирины Васильевны Витер, в котором она писала, что вновь возник вопрос, в честь кого названа в Петропавловске улица Абеля. «По документам эта улица, — писала Витер, — названа именем Абеля без инициалов, но, вернее всего — в честь известного разведчика Р.И. Абеля».

А задавал этот вопрос музею житель Волгограда. Фамилия его тоже была Абель, звали — Авангардом Вольдемаровичем. Он оказался племянником «камчатского» Рудольфа Ивановича Абеля. К письму волгоградца прилагались фотоконии архивных документов о его отце Вольдемаре Ивановиче Абеле, брате Рудольфа. Со своим братом Вольдемар Иванович в свое время работал в службе связи Морских сил Дальневосточной республики.

Вот это находка! С ее помощью можно было ответить на многие неясные вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Абеля.

Авангард Абель, оказывается, родился во Владивостоке в 1925 г. Его отец работал ответственным секретарем парткомиссии политотдела Морских сил Дальнего Востока, затем — замполитом в УБЕКО. Во время получения этого письма в музее Авангард Вольдемарович являлся работником областного бюро «Волгоградоблфото» и одновременно заместителем председателя (а затем — председателем) областной ассоциации жертв незаконных политических репрессий. Он собирал материалы о морях — участниках революционных событий и Великой Отечественной войны. Его отец Вольдемар стал жертвой политических репрессий 1937 г.¹⁵

С Авангардом Вольдемаровичем завязалась переписка, которая продолжается до сих пор. Из его воспоминаний, выявленных им архивных документов и многочисленных публикаций, в которых его материалы использовались, явствует, что Рудольф и Вольдемар Абели происходили из латышской семьи рижского трубочиста Йоганна Абеля. Вольдемар родился в 1898 г., окончил 4 класса начального училища и уже с 12 лет пошел на заработки (разнорабочий на торфоразработках, потом — ученик слесаря на заводе, юнга на пароходе). Плавал до 1915 г., затем — рабочий-слесарь Петроградского авиазавода, красногвардеец, участвовал в октябрьском перевороте 1917 г., в 1918 г. был членом Кронштадтского Совета и ЧК.

Меньше сведений о Рудольфе. Родился двумя годами позже брата, тоже учился в начальной школе. Как и Вольдемар, рано стал зарабатывать на жизнь, служил на Балтийском флоте. В годы гражданской войны принимал участие в боях с белыми кочегаром на миноносце «Ретивый» в составе Волжской речной флотилии¹⁶.

Вольдемар, проходя службу в Морских силах ДВР, вовлек в свою работу и Рудольфа. Отсюда Рудольф Иванович был направлен на Петропавловскую радиотелеграфную станцию. Авангард Вольдемарович пишет, что после Командорских островов Рудольф Абель был на службе во внешней разведке и направлен в Китай. Там он впервые встретился с Вильямом Фишером. С этого времени началась их дружба.

«Эти два разведчика были совсем не похожи друг на друга, — вспоминает Авангард Абель. — Рудольф атлетического сложения, блондин с вьющейся копной волос. Вилли — худой, широколобый и полысевший. Но, несмотря на различие внешности и характеров, они были почти неразлучны¹⁷.

В одном из писем за 1986 г. Авангард Вольдемарович сообщил мне о кончине вдовы Рудольфа Ивановича Александры Антоновны, последнее время проживавшей в пансионате Мосгорисполкома. Ему были переданы документы из ее личного архива, в частности фотографии, проливающие свет на некото-

Радиотелеграфная станция на острове Беринга (1924 г.). Снимок Р.И. Абеля.

ра разведлиния позднее была передана Рихарду Зорге (Авангард Абель утверждает, что Рудольф Иванович «был концевым радистом на юге Китая, в центре Китая — Вильям Генрихович Фишер, дублировал на Россию»). Это тот Эйттинген, который был участником акции в Мексике против Троцкого, в результате которой Троцкий был убит¹⁸.

Есть фотография радиотелеграфной станции на острове Беринга, которой Рудольф Абель заведовал (снимок 1924 г.). Видно, что радиостанция расположена на пригорке у самого кладбища, внизу — дома поселка Никольского на фоне Тихого океана. Снимок не очень качественный, но Авангард Вольдемарович, обученный в свое время фотографии Рудольфом Абелем, смог довести снимок до кондиций.

Работу во внешней разведке Рудольф Абель продолжал и в 30-х годах. Когда-нибудь, по архивам органов госбезопасности, его деятельность как в это время, так и в другие годы можно будет осветить.

Брат Рудольфа Вольдемар последнее время работал начальником политотдела Балтийского морского пароходства. После ареста начальника пароходства Бронштейна Вольдемара Ивановича обвинили в политической близорукости и беспечности, в 1937 г. он был арестован и расстрелян¹⁹. Репрессирована была и семья. Жену с сыном (Авангардом) сослали в Среднюю Азию, в Ташауз. «Это вниз по Амударье трое суток на автомобиле и еще семь — на верблюдах, — вспоминает Авангард Вольдемарович. — Вот из этой тьмутаракани меня и вытащил Рудольф. А маму не смог. Она осталась в Ташаузе и работала в ссылке медсестрой». Рудольф Иванович привез Авангарда к себе домой в Мос-

рые малоизвестные стороны жизни и деятельности Рудольфа Абеля. Среди них неизвестный его фотопортрет, с которого на нас смотрит красивый молодой человек с правильными чертами лица. Теперь мы имеем возможность его опубликовать.

Особенно интересна фотография, на которой запечатлена группа советских разведчиков на территории советского посольства в Пекине в 1928—1929 гг. Среди них видим Рудольфа Абеля, прислонившегося к перилам, на перилах — Вильяма Фишера и около них на корточках — известного советского разведчика Наума Эйттингена. Слева — жена Рудольфа Ивановича — Александра Антонова. В Китае Рудольф Иванович выдавал себя на русского эмигранта. Глядя на его фотографию, трудно поверить, что это бывший рабочий, кочегар эсминца, а теперь — интеллигентный человек, знающий несколько иностранных языков (английский, немецкий, французский).

Наум Эйттинген, с которым сотрудничали Абель и Фишер, налаживал разведсеть в Шанхае, Пекине и Харбине в конце 20-х годов. Созданная им в это вре-

кву, в коммуналку (на шестнадцать семей), где он проживал с женой Александрой²⁰.

Племянник Рудольфа Ивановича вспоминает: «В комнате стояли тахта на козлах, сделанная руками самого Рудольфа, обычный шкаф и швейная машинка. Сам Абель был очень неприхотлив, но аккуратен до педантизма... В семье было табу: никто никогда не обсуждал работу Рудольфа, а сам дядя мне любил повторять: «Свое мнение держи при себе», «Надо уметь так общаться с людьми, чтобы они тебе больше рассказывали»²¹. Практиковались в диалектах немецкого, английского и французского языков. Рудольф учил племянника фотосъемкам, радиотелеграфному делу. Сохранилась фотография за 1939 г., на которой Р.И. Абель и его племянник запечатлены на подмосковной лосиной островской даче Фишера, где они часто бывали.

В 1937—1938 гг. репрессировали многих работников внешней разведки. В ноябре 1938 г. арестован был Я. Серебрянский — руководитель особой разведывательной группы при заместителе наркома внутренних дел. В это время фактически отстранили от работы в разведке Абеля и Фишера²². Авангард Абель пишет, что в августе 1941 г. жил на даче Фишеров. Рудольф Абель и Вильям Фишер были настолько близки, что на Лубянке, завидев их вместе, говорили: «Вон, смотрите, Абели идут».

В 1941 г., когда Серебрянский был освобожден, Абеля и Фишера вызвали из резерва, и они снова получили возможность работать в органах²³.

После Великой Отечественной войны Фишер получил командировку в США, а подполковнику Рудольфу Абелю неожиданно было предложено уволиться «по возрасту», ему было в это время 47 лет. Грудь украсили два ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, медали. Авангард Вольдемарович полагает, что это связывалось с судьбой Вольдемара Абеля, объявленного врагом народа. С 1948 г. Авангард Вольдемарович видел своего дядю редко и мало что может рассказать о его работе. С 1956 г. Авангард поселился в Волгограде, работал в фотоателье, затем — в выездном бюро «Волгоградфото». Ремесло фотографа, отточенное с помощью Рудольфа Ивановича, стало его основной специальностью.

В 1955 г. от родственников он узнал, что Рудольф Иванович, возвратившись из Латвии, где он отдыхал, почувствовал себя плохо и скончался от инфаркта. В связи с этим непонятны были для него поступившие в 1957 г. сообщения, что советский разведчик Абель Рудольф Иванович осужден американским судом. Но ведь он же умер! Неясным это оставалось и после возвращения Фишера из США, с которым больше уже не пришлось встретиться и поговорить. Были догадки, которые подтвердились, когда Авангард Вольдемарович увидел «американского» Рудольфа Абеля в прологе к фильму «Мертвый сезон» и сразу узнал его: это был Вильям Фишер!

Находясь под арестом в США, Фишер должен был придумать для себя какую-то другую фамилию, чтобы запутать следствие. Выбор пал на Абеля. Говорят, что Фишер таким образом надеялся подсказать Лубянке, что он арестован. Но вот «Комсомольская правда» (от 11 января 2000 г.) считает, что «возможно и более сентиментальное объяснение: имя близкого друга скрашивало полковнику одиночество и неизвестность».

Последнее время вышло несколько публикаций (И. Барыкина, С. Хрустальной и др.), в которых, по материалам Авангарда Вольдемаровича, рассказывается о настоящем Р.И. Абеле. Наша статья дополняет эти данные. 21 января 2000 года очень приятно было увидеть на телеэкране в программе «Вести» передачу о Р.И. Абеле с участием его племянника Авангарда, подготовленную волгоградскими журналистами Тamarой Юревич и Андреем Гурьяновым. Наконец-то хотя бы по телевизору удалось увидеть А.В. Абеля, с которым уже столько лет велась переписка! В передаче рефреном прозвучало, что Р.И. Абельто в Америке не был! Но заочно поработал там на нашу разведку. После небольшого перерыва переписка с племянником разведчика снова возобновилась и подвигла меня на решение написать эту статью.

Так время раскрывает тайны даже самой зашифрованной службы. И это пока только по незасекреченным материалам.

(Что же касается улицы имени Абеля в Петропавловске-Камчатском, то в данном случае под этой фамилией имелся в виду, конечно, Вильям Генрихович Фишер).

---

¹ РГВА. Ф.28075. Оп.1. Д.1.Л.19.

² Там же. Л.79.

³ Там же. Д.23.

⁴ Там же. Д.1. Л.17.

⁵ Там же. Л.19.

⁶ Там же. Л.27.

⁷ Там же. Л.23.

⁸ См.: Мухачев Б.И. Октябрь на Командорах. Возрожденные народности. Владивосток, 1968. С.39—40.

⁹ Алеутский районный краеведческий музей.

¹⁰ РГВА. Ф.28075. Оп.1. Д.1. Л.59.

¹¹ Там же. Л.61.

¹² Там же. Л.62.

¹³ Дай мне любое дело. Магадан, 1971. С. 18.

¹⁴ См.: Арсеньев В.К. Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток, 1923. 233—234.

¹⁵ Петля: Воспоминания, очерки, документы. Волгоград, 1992. С. 233—234.

¹⁶ Там же. С. 230.

¹⁷ Цит. по: Хрусталева С. Рудольф Абель никогда не был в Америке // Комсомольская правда. 2000. 11 янв.

¹⁸ Щербаков О. Рекомендован Дзержинским // Пограничник на Тихом океане. 1999. 25 сен.

¹⁹ Петля. С. 231.

²⁰ Хрусталева С. Рудольф Абель никогда не был в Америке.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

SUMMARY. Doctor of Historical Sciences, professor B. Mukhachov in his article «Once More About Abel» narrates about famous Soviet intelligence agents, their fates, their activity, about their ties of relationship. B.Muchachov, on the base of deep researches, has written an interesting article about unknown facts of the Russian history and people who done it.